

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01)

УДК 81'373 + 81'384

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОГО СЛОВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТОВ

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, Россия)

Круг интересов современной лингвистики существенно расширился, теперь его составляют явления, скрытые в глубинах семантики, подвижные и трудноразличимые. В последнее время все больший интерес исследователей привлекает прагматический компонент значения – «наиболее тонкая материя слова» – как возможный объект семантико-прагматического и лексикографического описания.

Для настоящего проекта наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относится выявление прагматически маркированных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала. Решение этих теоретических проблем является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

Ключевые слова: *семантика, структура прагматического макрокомпонента, динамические процессы, идеологически маркированная лексика.*

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относится выявление прагматически маркирован-

ных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала. Решение этих теоретических проблем

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистической экспертизы».

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

Дискуссионными остаются теоретические проблемы соотношения понятий коннотативного и прагматического компонентов, взаимодействия денотативного и прагматического содержания слова, места и статуса отдельных прагматических микрокомпонентов в структуре лексического значения, вариативности системного значения, а также функционирования прагматически маркированной лексики в разных типах дискурсов.

В статье предпринимается попытка рассмотреть понятия «коннотации» и «прагматического компонента» в их соотнесении друг с другом; выявить структурные и содержательные параметры прагматического макрокомпонента; описать взаимодействие микрокомпонентов прагматического содержания.

В лингвистической науке, почти не пересекаясь, существуют две понятийно-терминологические традиции в изучении гетерогенной структуры лексического значения: сторонники первой выделяют наравне с денотативным макрокомпонентом коннотативный; вторые относят «наиболее тонкую материю слова» к области прагматических смыслов.

Полемика представителей разных подходов сосредоточена на проблемах природы, состава, структуры и путей выделения коннотативных (прагматических) элементов в семантике слова.

В понимании коннотации наметилось два подхода: узкий (компоненты «эмотивность», «эмотивная оценка», «чрезмерность») и широкий, при котором в коннотацию включается «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное)

<...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характерными условиями речи, социальными отношениями участников речи и т. п.» [1, с. 236].

Очевидно, что между этими сформировавшимися подходами лежит большое расстояние: от исчисляемого количества коннотаций, которое тяготеет к эмотивно-оценочным и эмотивным смыслам, до почти неограниченного множества значений, составляющих характеристики слова коммуникативно-прагматического плана.

Обозначенные проблемы активно обсуждались в 1980–90-е гг., затем интерес лингвистов сместился в область изучения семантических и прагматических аспектов высказывания. Сегодня можно говорить об актуальности изучения коммуникативных особенностей слова в связи с задачами создания словарей активного типа. По мнению Н. Ю. Шведовой, «прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится переход от лингвистики текста... к лингвистике слова» [2, с. 142].

Говоря о «лингвистике слова», обычно понимают изучение коммуникативных особенностей слова. Для настоящего исследования наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической/коннотативной

семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

Известны попытки разграничения коннотативных и прагматических смыслов, которые сводятся к отнесению коннотации к области номинации (субъект номинации отражает свою эмоциональную и оценочную интерпретацию события), а прагматические смыслы – к зоне коммуникативного взаимодействия (параметры коммуникативной ситуации, интенции и взаимодействие говорящих) [3, с. 31]. Это была одна из попыток «примирить» системно-структурный и коммуникативный подходы в изучении интерпретационного потенциала языкового знака, которая, однако, оставила за кадром проблемы взаимодействия составляющих элементов коннотации (узкий подход) и прагматического содержания.

Мы не видим существенных различий в широком понимании коннотации и прагматического содержания в семантике языкового знака.

Под прагматическим компонентом, вслед за Ю. Д. Апресяном, Г. Н. Скляревской и В. Н. Телией [4–6], мы понимаем сумму коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных), которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, о статусах собеседников, об оценке предмета речи и т. д. Нередко именно этот макрокомпонент и определяет индивидуальность слова в ряду других.

Широкий подход отражает те свойства слова, которые выявлены благодаря введению дополнительных (антропоцентрических) параметров в описание лексической единицы. Подобное расширение объема прагматического содержания свидетельствует об активном постижении коммуникативной и когни-

тивной природы слова. Множество характеристик слова, нашедшее отражение в широком понимании коннотации (прагматического компонента), отличается своей разнородностью, утратой реально обозримых границ. Отнесение нерядопологаемых признаков в ряд прагматических делает этот макрокомпонент лексического значения не структурированным, а в какой-то степени аморфным образованием. Содержательным стержнем, объединяющим это гетерогенное образование, может служить то, что все эти компоненты отражают так называемую коммуникативно-когнитивную зону говорящего социума. Поэтому закономерно стремление исследователей уточнить модель прагматической составляющей с учетом изменившегося объема признаков.

Чтобы отражать все многообразие смыслов, связанных с представлением коммуникативной ситуации (в широком смысле), языковой знак должен располагать широким набором элементов разного ранга, в том числе и потенциальных, в семной структуре значения. Эти элементы отражают отношение говорящего к миру, к адресату, его интерпретацию условий коммуникации и представлены как на уровне системного (словарного) значения, так и на уровне реализации в речи. Ср.: социальные компоненты, выделенные Л. П. Крысиным [7] и Ю. Д. Апресяном [8]. Например: *бранить, дерзить, грубить, лебезить* и др. в своем значении имеют компонент «неравенство социальных ролей коммуникантов» (*внук дерзит, грубит бабушке; бабушка бранит внука, но не наоборот: внук бранит бабушку, бабушка грубит внуку*).

Прагматические семы представляют собой разнородный массив (идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. микрокомпоненты), однако содержащаяся в них информация об

определенных параметрах речевой ситуации (пол, возраст, социальный статус участников коммуникации, интенции и взаимоотношения говорящих и др. и о национально-культурных стереотипах) позволяет объединять подобные семы в прагматический макрокомпонент.

Набор прагматических сем остается открытым – в этом особая сложность в моделировании макрокомпонента. Расширение состава прагматических компонентов делает это множество размытым, с нечетко очерченными границами. Построение модели предполагает учет следующих параметров: состав, статус и возможность взаимодействия микрокомпонентов.

Способы отражения указанных содержательных элементов значения слова в толковых и системных словарях – вопрос дискуссионный. Существует два возможных решения проблемы семантизации прагматического содержания слова: не отражать вовсе как менее существенную информацию о лексической единице (возможности семного варьирования обычно не фиксируются в словаре) или стремиться к максимально полному представлению коммуникативных особенностей слова. Так, Г. Н. Скляревская считает, что прагматические смыслы должны быть представлены и описаны в словарях, и они находят свою лексикографическую интерпретацию, возможно, не полную и не последовательную: «Сфера лингвистической прагматики и толкового словаря как будто бы противопоставлены во всех отношениях. Сущность словаря – организация языковой картины мира, статически представленной в лексической системе; сущность прагматики – неуловимое поведение языковых и внеязыковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи. Словарь показывает закрытое множество элементов; прагматика изучает

практически неисчислимо и с трудом классифицируемое количество отношений. Словарь ориентирован на объективность и отчужден от субъекта речи; прагматика изучает языковой материал в связи с субъектом речи» [9, с. 69].

Авторы классических словарей, не ставя специальной лексикографической задачи (не разрабатывая способов семантизации прагматического содержания), так или иначе, порой непоследовательно, фиксировали эту информацию с помощью традиционного лексикографического инструментария: толкования, помет, словарного комментария и иллюстративного материала.

Так, семантизация идеологического содержания в словаре обычно сводится к следующим основным типам: прагматическая семантика эксплицитна, легко прочитываема, «навязана» читателю словаря, либо она имплицитна, «спрятана», например, в иллюстративном материале, либо недосказана лексикографом в силу разных причин (недостаточная изученность структуры и содержания прагматического компонента в значении слова или намерение скрывать/искажать этот смысловой слой в силу определенных идеологических установок словаря) [10].

Следующим нерешенным вопросом, относящимся к исследованию прагматической семантики, является вопрос о структуре макрокомпонента, о статусе и о возможных комбинациях микрокомпонентов.

Можно выделить основные микроблоки, объединяющие компоненты прагматического содержания: 1) социальный компонент + оценка (эмотивная или рациональная); 2) гендерный компонент + оценочный; 3) идеологический компонент + оценочный; 4) социальный + возрастной + оценочный; 5) национально-культурный + оценочный + образный; 6) национально-культурный + гендерный +

оценочный; 7) этнический + социальный + оценочный и пр.

Проиллюстрируем некоторые комбинации прагматических составляющих: *куриные мозги – cervello di formica* (муравьиные мозги – в итальянском языке) – национально-культурный компонент связан с компонентом «эмотивная оценка» и компонентом «образность»; глагол *щебетать* в значении «говорить быстро, без умолку» [11] имеет комментирующую помету «обычно о детях, молодых женщинах» и передает, кроме образности, гендерную, возрастную и оценочную семантику (шутливое, одобрителное отношение).

По отношению к мужчине этот глагол актуализирует совсем иную семантику: «говорить бойко, быстро, подобострастно, угодливо, желая понравиться собеседнику + отрицательная, презрительная оценка», не зафиксированную словарями. Ср.: – *Яков Ильич! – Яков Ильич! Вы здесь? По какому случаю? – защебетали, кланяясь, оба регистратора* (Ф. Достоевский. Двойник).

Совмещение идеологического («свой – чужой») и оценочного компонентов обнаруживается в значительной части религиозной лексики: *религия* – взгляды и представления, **основанные на мистике**, на вере в **чудодейственные силы и существа**. <...>. *Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии* Ленин. *Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством*. Ленин [12]. Компонент «свой – чужой» связан по обыкновению в структуре прагматического макрокомпонента с аксиологическим содержанием, в подавляющем большинстве случаев отрицательным.

В слове *мымра*, по данным словарей, дискурсивного анализа и психолингвистического

эксперимента, обнаруживается, кроме эмотивной оценки, гендерный и возрастной компоненты: *Глаза и нос живут отдельно. И эта мымра играла когда-то снегурочку?* (Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003); *Вгляделся: не мымра, вполне симпатичная и молодая* (П. Сиркес. Труба исхода (1990–1999)); *А еще никогда не забуду как престарелая властная училка подняла и мучала вопросом на уроке одноклассницу, а когда та дала неправильный ответ, мымра как заорет на нее во весь голос: «ДУРА! !!!!!»* (Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)) [13].

Сквозной семой во всех названных выше комбинациях является эмотивная или рациональная оценка. Нетипичная нейтрализация оценочного компонента наблюдается лишь в лексемах, содержащих национально-культурную семантику (в частности, в безэквивалентной лексике). Ср.: *самовар, сарафан, щи* для тех, кто изучает русский язык как иностранный; с другой стороны, наименования, например, городских пространств с ярким национальным колоритом: *campo* (площадь в Венеции), *prato* (площадь в Падуе), *largo/larghetto* (небольшое расширение на городской улице) и др. Компонент «чужой», который обычно сопровождается отрицательной оценкой, трансформируется здесь в сему «экзотический, необычный, привлекающий внимание».

Подобный статус интегральной семы обнаруживается и у компонента «свой – чужой». Отметим, что этот компонент оказывается актуальным не только для «советизмов» (или, как мы выявили, для религиозной лексики), но и других фрагментов словаря. Обозначим группы лексики, содержащей в значении семантическую оппозицию «свой – чужой»:

1. Политическая лексика: *товарищи, товарищи из братских коммунистических партий, соратники по партии, верные ленинцы, западные партнеры, политические оппоненты, либералы, демократы, почвенники, патриоты* и др.

2. Конфессиональная лексика: *православие, мусульманство, иудаизм, религия, Бог, Всевышний* и др.

3. Номинации по национальным, расовым, этническим признакам, которые во все времена потенциально содержали идеологический компонент. Нейтральные, по данным словарей, в реальной коммуникации они обрастают отрицательными созначениями: *кавказец, лицо кавказской национальности, грузин, чеченец, немец, еврей, цыган, чукча* и др.

4. Номинации лиц традиционной/нетрадиционной сексуальной ориентации: *гетеросексуалы, гомосексуалисты, голубые, лесбиянки, сексменьшинства, гейропа* и др.

5. Наименования по территориальному признаку (центр – периферия): *регионы, периферия, столицы, мегаполис, город, деревня, село, глухомань, замкадыши* «те, кто проживает за московской кольцевой автодорогой» (из телепередачи на телеканале НТВ) и т. д.

6. Социально-профессиональная лексика: *милиция – полиция, менеджер – управленец, разведчик – шпион* и др.

Во всех перечисленных группах наблюдаются интенсивные динамические процессы, которые связаны с появлением/возвращением/вытеснением/сменой идеологически маркированных значений. Именно этот лексический слой наиболее остро реагирует на социально-экономические и политические изменения в обществе.

Политическое пространство не единожды резко изменилось за последние 25 лет: соратников по партии в мире осталось не-

много, поэтому потребовались новые номинации: на смену *товарищам* и *не-товарищам* пришли другие наименования. Можно сказать, что складывается синонимическая группа лексем, изначально обозначающих субъектов в их совместной деятельности: *партнеры, союзники, коллеги* и др. Чтобы проследить логику развития семантико-прагматической составляющей лексемы *партнер*, обратимся к разновременным толковым словарям. В словаре Д. Н. Ушакова слово *партнер* имеет следующие значения: (фр. *partenaire*). Соучастник игры. Мой постоянный **партнёр** в шахматы. Не хватает партнера для виста. || Артист, выступающий совместно с другим (в концертах, в пьесах, в цирке и т. д.; театр.). || Конькобежец, идущий в паре с другим (спорт.). || Вообще компаньон, товарищ в каком-н. деле (разг.). Не могу найти партнера для прогулки [12]. Семантика соучастия, «компаньонства» в спорте, игре, театре и пр. фиксируется и в более позднем словаре С. И. Ожегова, однако лексема в названном словаре представлена как полисемант (ср. оттенки значения в словаре Д. Н. Ушакова), второе значение которого отсылает читателя к политическому дискурсу: 1. Участник (игры, танца, выступления) по отношению к другому участнику, а также вообще участник какой-нибудь совместной деятельности. 2. Страна – участник какого-нибудь союза, блока соглашения. *Партнеры по рыбалке, партнер в танцах, партнер по преферансу; торговые партнеры* и др. [14]. Ср.: *Должен лишь указать, что понятия «хороший партнёр» и «хороший человек» вовсе не совпадают полностью: напротив того, кое в чём друг другу противоречат, и некоторые черты хорошего человека невыносимы за картами; с другой стороны, наблюдая отличнейшего партнёра, иной раз думаешь, что в жизни от него надобно держаться подальше* (В. Ф. Ходасевич. Брюсов (1924)) [13].

Соотнесение понятия партнерства с бизнес-сферой начинают фиксировать современные словари. Ср.: 1. Тот, кто принимает участие вместе с кем-л. в какой-л. игре (на сцене, в спорте, в карты и т.п.), в танце. П. по сцене. П. в картах. П. в вальсе. // *Компаньон, товарищ* в каком-л. деле, занятии. П. по домовладению. 2. Офиц. Участник какой-л. совместной деятельности. Надёжный деловой п. Западные партнёры-бизнесмены. Партнёры по переговорам [15].

Семантика бизнес-партнерства у лексемы *партнер* закрепляется и в специальных словарях: юридическое или физическое лицо, являющееся совладельцем компании, фирмы или временным соучастником по определенной операции, сделке [16]; ср. также в социологическом словаре: (от фр. *partenaire* – равноправный участник ч.-л.; англ. *partner*; нем. *Partner*). Один из **равноправных** участников совместной деятельности (в игре, танце, **бизнесе**, на сцене и т. д.) [17].

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет семантика партнерства в бизнесе как новое значение/оттенок значения. Подчеркнем и сему «равноправное участие, равноправный участник», которая определяет вектор современного употребления слова. Ср.: *Наши западные партнеры нам этого просто бы не позволили* (М. Головушкин. *Не можем себе позволить терпеть убытки слишком долго* («Рекламный мир», 2003.04.28); *ООО «Стройэлектростиль» – надежный, грамотный и добросовестный партнер* (ООО «Стройэлектростиль» – надежный, грамотный и добросовестный партнер («Пермский строитель», 2004.05.11); *Долголетняя практика доказала, что Минский мясокомбинат – надежный деловой партнер* (Международной специализированной выставке «Белпродукт» – 10 лет

(«Мясная индустрия», 2004.03.29) [13]; *С одной стороны, мы выступаем проводником этой крупной компании в России, с другой мы сможем получить интересный опыт в геологоразведке, в других практиках иметодиках, которыми обладает наш зарубежный партнер* (Р. Денискин, М. Фадеев. «Времена сырьевых блокад ушли в прошлое» (2008.09.15). URL: <http://www.rbcdaily.ru/2008/09/15/industry/79369.shtml>, 2008).

Отметим следующие словосочетания, свидетельствующие о формировании представлений о типах партнеров и партнерских отношений в бизнесе: *стратегический, торговый, сетевой партнер; главный, старший, младший партнеры* и пр.

Итак, во множестве контекстов актуализируются семы «совместная деятельность» и «равноправное участие». Кроме того, слово *партнер* (*деловой партнер*), отражая непростые отношения участников бизнеса, приобретает такие компоненты, как «соперник» и «конкурент». Ср.: *К двустороннему диалогу с Китаем Вашингтон подходит с тех позиций, что, с одной стороны, КНР – потенциальный региональный соперник США, а с другой – крупнейший торговый партнер, готовый к сотрудничеству в сферах, где стратегические интересы двух стран не вступают в противоречие* (Особенности военно-политического курса США на современном этапе (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.07.26) [13].

В последнее десятилетие лексема *партнеры* «осваивает» область политического дискурса. Напомним, что «политическое» значение зафиксировано ещё в словаре С. И. Ожегова: о странах и государствах. Активизация политической семантики связана с необходимостью наименования отношений между государствами, политическими силами, парти-

ями, политическими лидерами. В этом качестве слово претерпевает существенные семантические модификации, суть которых заключается в приобретении разного рода прагматических элементов, призванных выразить широкий спектр официальных позиций, мнений, оценок. Прагматическая составляющая в идеологически маркированной лексике – величина переменная, зависящая от политического климата в стране. Исследование политического дискурса за последние 10–15 лет позволяет проследить динамику семантических модификаций. Самым ярким смысловым сдвигом является ослабление семантики равноправности участников политического процесса и приобретение нейтральным словом прагматических компонентов «свой – чужой» и отрицательной оценочной семантики. Таким образом, лексема из области деловых отношений перемещается в идеологическую область, столь подвижную и изменчивую.

Л. Рубинштейн писал, что «употребляемые нами слова различаются <...> не по тому, соответствуют ли они своим словарным значениям, а по тому, приятны они или неприятны. Причем не столько широким слоям населения (кто их будет спрашивать?), сколько тем, кто облечен властью или же занят ее, власти, пропагандистским обеспечением» (URL: <http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.235971.html>).

Именно это и происходит с выражениями *наши западные партнеры, наши европейские партнеры, наши американские партнеры*.

Сочетание (*наши*) *западные партнеры*, применимое к политическим лидерам США и Западной Европы, в течение последних 15-ти лет почти утратило смысловые компоненты «равноправие, доверие, совместная деятельность, сотрудничество» и приобрело идеологически окрашенное значение и на шкале

«свой – чужой» перемещается в сторону семантики противостояния и вражды.

Обратимся к материалам современного политического дискурса: (1) *Наша позиция, пусть не сразу, но находит понимание среди западных партнеров по контактной группе, которые все больше осознают, что не получится решить проблему Косово, если закрыть глаза на грубейшие нарушения решений СБ ООН <...>* (С. Лавров. Выступление на пресс-конференции по итогам переговоров с В. Драшковицем (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.07.27); (2) *Сикорский приехал из США, штаты позиционируются (как я понял из основного таймлайна) как основной внешнеполитический партнёр <...>* (Авиация противоборствующих сторон в Баргузинском конфликте (2011)); (3) *Отношения и с западноевропейскими партнерами, и с США меняются* (Е. Григорьева, В. Рушайло: «Совбез – это инструмент в руках президента» (2002) // «Известия», 2002.06.04) [13]; (4) *Суверенный фонд Саудовской Аравии Public Investment Fund (PIF) в рамках партнерства с Российским фондом прямых инвестиций намерен вложить в проекты на территории России 10 миллиардов долларов. Как сообщил Интерфаксу глава РФПИ Кирилл Дмитриев, это крупнейшее обязательство иностранного инвестора в истории российского фонда и одно из крупнейших в мире партнерств подобного рода* (URL: www.novayagazeta.ru/news/1695017.html); (5) *Сейчас, в связи с последними трагическими событиями, мы ожидаем повышения тарифов у западных партнеров – перестраховщиков* (Пока гром не грянет... Вся наша жизнь – это продолжительный страховый случай, уверены наши читатели (2001) // «Известия», 2001.11.04); (6) *Путин в итоге вновь перешел к одной из своих любимых тем: «западные партнеры», формально защищая*

либеральную экономику, действуют порой совсем не рыночными, а бюрократическими способами (Е. Григорьева. Проявить и закрепить. Путин не хочет создавать «тепицы» для сельского хозяйства (2002) // «Известия», 2002.07.02) [13]; (6) Лавров: **западные партнеры** так и не преодолели мышление холодной войны (URL: <http://ria.ru/politics/20140928/1025941563.html>); (7) Якунин рассказал, как **западные партнеры** сами себя наказали (URL: <http://svpressa.ru/economy/news/124296/>); (8) Путин: **западные партнеры** подставились с санкциями (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2133672>); (9) Президент России Владимир Путин, комментируя в ходе ПМЭФ причины украинского кризиса, заявил, что **западные партнёры** РФ «впали в эйфорию» (URL: <http://www.segodnia.ru/news/162210>); (10) Нервничают чего-то **европейские партнеры**... Шебутные какие-то стали! Вот раньше было хорошо и душевно... Бродил по Европе запущенный Марксом призрак коммунизма, вызывая своими стенаниями у довольного обывателя лишь легкую усмешку... (URL: <http://vegchel.ru/index.php?newsid=11147>).

В публицистических текстах 2000–2005 гг. выражения *наши западные/европейские партнеры* используются как нейтральные обозначения политических лидеров Западной Европы и США (контексты 1–4). Параллельно начинается процесс актуализации отрицательных идеологических коннотаций: нейтральное сочетание, попав в отрицательно «заряженный» политический контекст, приобретает резко негативную семантику. Складывается портрет **западных партнеров** – перестраховщиков, бюрократов, не преодолевших мышление холодной войны; недалёковидных (*подставились с санкциями*), суетливых (*шебутные какие-то стали*), коварных (контексты 5–10).

Очевидно, что в современном политическом дискурсе лексема приобретает особые коннотации, связанные с идеологической семантикой «свой – чужой»: слово *партнеры* каждый раз напоминает нам, что речь не идет о товарищах. Ср.: «Больше того, нас все равно не принудить к действиям, которые от нас хотят видеть **западные партнеры**. Даже если не будет SWIFT, мы будем еще упрямее настаивать на том, что мы правы» – сказал первый вице-премьер (С. Алексашенко. URL: <http://echo.msk.ru/blog/aleksashenko/1485028-echo/>).

Сходные коннотации приобретают номинации *наши западные коллеги, политические персонажи, союзники и оппоненты*. Идеологическая и оценочная семантика «противники, соперники, враги» характеризует весь этот синонимический ряд, в который втягивается и лексема *оппоненты*, имеющая следующее словарное значение: «(книжн.). Лицо, которое оппонирует кому-нибудь. *Официальный оппонент на защите диссертации*» [11]. Это значение получает дальнейшее развитие, связанное с латинским *opponens (opponentis)* – возражающий: 2. *Книжн.* Тот, кто возражает кому-л., **противник в споре**. *Познакомьтесь, мой вечный о. Не спорь, обойдёмся без оппонентов!* [15]. В современном публицистическом дискурсе слово приобретает политическую семантику «сторонник иных политических взглядов, противник».

Политическая дискуссия предполагает корректное отношение к своему собеседнику, чтобы не создавать конфликтной ситуации и не прерывать диалог, необходимый обоим сторонам. Ср.: *Секретарь генсовета «Единой России» В. Богомолов напомнил слова лидера партии Б. Грызлова о том, что не нужно лепить из **политических оппонентов** образ врага* (А. Колесниченко. Партии: Медвежий

привет «красным» губернаторам // «Аргументы и факты», 2003); – *Именно это и делает нас не противниками, но союзниками, хоть мы и политические оппоненты* (Ж. Касьяненко. Бей фашизм – спасай Россию! (2003) // «Советская Россия», 2003.04.08); *Фактически только два города из четырех – Ортаун и Петрополис – в целом соответствовали нормативным представлениям об американской (плюралистической) демократии: в обоих сформировались режимы развитой демократии, граждане могли участвовать в политической жизни города без серьезного риска санкций со стороны своих политических оппонентов* (В. Ледяев. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // «Неприкосновенный запас», 2010) [13].

Однако реальная речевая практика показывает, что слово *оппонент* актуализирует оценочную семантику «чужой», «противник наших политических взглядов»: *Характерная черта ельцинско-путинской политики – воровство голосов, надругательство над волей избирателей, устранение политических оппонентов, вплоть до силового и физического* (Пресс-служба фракции КПРФ. Г. А. Зюганов: Только КПРФ предлагает реальную программу вывода страны из кризиса (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15) [13].

Сформированные в последнее десятилетие политические клише активно используются в публицистике как своеобразный фильтр, через который пишущий интерпретирует события начала и середины прошлого века: *На следующий день Гитлер представил на подпись Гинденбургу декрет «Об охране народа и государства», послуживший основанием для расправы с политическими оппонентами* (В. Абаринов. Личный Распутин фюрера (2003) / «Совершенно секретно»,

2003.07.07); *В результате большевики обеспечили себе изрядную поддержку в народе и освободили себе руки для подавления политических оппонентов* (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)); *В ходе переговоров в Лондоне и Вашингтоне Молотову удалось убедить западных партнеров по коалиции подписать советско-английское и советско-американское коммюнике, содержащее формулировку о достижении полной договоренности «в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»* (В. Невежин. Кровавое лето 44-го. Нормандский вариант (2004) // «Вокруг света», 2004.06.15) [13].

Лексема *коллеги* в составе анализируемого синонимического ряда также приобретает семантику «оппонент, соперник, конкурент». Все лексеммы синонимического ряда *партнер, коллега, союзник* выполняют прагматическую «маскировочную» функцию: политический дискурс обязывает к соблюдению основных коммуникативных норм, поэтому употребляются нейтральные языковые единицы (если судить по словарю), однако адресат без труда считывает все идеологические оценочные смыслы, которые формируют образ внешнего врага.

Именно так воспринимается сочетание *западные, европейские, американские коллеги*: от нейтрального (контексты 1–4) до категорически отрицательного, политически чуждого (контексты 5–7):

(1) *Не отрицая выдающейся роли Курчатова, мои западные коллеги говорят, что в Харуэлле он открыл работы по прямым разрядам, которые уже тогда выглядели достаточно бесперспективно* (Е. Велихов. От ядерной бомбы к атомной станции (2003) // «Вестник РАН», 2004); (2) *Прежде всего мы должны опережать наших западных коллег*

(М. Прохоров, Г. Месяц. Водородная энергетика и топливные элементы // «Вестник РАН», 2004); (3) *Соотношение цена/качество у отечественного оборудования пока еще существенно ниже, чем у западных аналогов, потому что мы похожи на маленькое ателье, вынужденное обходиться без кредитной поддержки банков и не избалованное вниманием государства, а наши западные коллеги и конкуренты – мощные машиностроительные супермаркеты, способные учесть в ценах на свою продукцию будущие прибыли ее покупателей* (С. Шевцов. Наши клиенты – все металлурги (2003) // «Металлы Евразии», 2003.11.03); (4) *Чего же всё-таки не хватает российским учёным, чтобы успешно конкурировать с западными коллегами?* (Е. Лозовская. Наука в рамках рационального бюджета // «Наука и жизнь», 2009) [13]; (5) *Западные коллеги по «двадцатке» оказали президенту России холодный прием* (URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949992985107>); (6) *Блоковая дисциплина: Лавров заявил, что западные коллеги говорят об Украине не то, что думают* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=n09GYwzuTt0>); (7) *Зато как они демократично заседали на западных коллег, которые посмели напечатать разоблачения о реконструкции Кремля* (И. Дедюхова. Я обвиняю! (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.21) [13].

Коллеги как стороны, занятые одним видом деятельности, могут сотрудничать, соперничать, конкурировать в науке, экономике, бизнесе, спорте. Когда же слово употребляется в политическом дискурсе, его прагматическая семантика зависит от референта, коммуникативной ситуации, политических реалий и господствующей идеологии. По сути, мы имеем дело с оценочной энантиосемией, когда знак оценки зависит от интенций говорящих.

Выявленный окказиональный синонимический ряд является открытой подсистемой, в которую втягиваются значения, даже противоположные по оценочной семантике (*коллега, союзник*). Обычно *союзники* противопоставлены по семантике *противникам*: *Менялись лозунги, менялись темы дискуссий, менялись союзники и противники, а полная власть оставалась только в собственных руках!* (А. Солженицын. В круге первом (1968) // «Новый Мир», 1990) [13]. Однако, попадая в политический эмотивно заряженный контекст, который насыщен энантиосемичными словосочетаниями *наши западные партнеры, наши европейские коллеги, наши американские оппоненты*, слово *союзники* тоже может приобрести значение-перевертыш: *Когда наш президент неповторимо произносит слова «наши партнеры», каждый из нас отчетливо слышит – «эти сволочи». Я думаю, что и слово «союзники» вот-вот обретет новый смысл <...>* (А. Орехъ. Союзнички. URL: <http://echo.msk.ru/blog/oreh/1528160-echo/>).

Мы проанализировали способы прагматически маркированного обозначения внешних врагов (тех, кто придерживается иных политических позиций). Особого разговора заслуживает «словарь» наименований и характеристик внутренних оппонентов власти – это следующий сюжет настоящего исследования. Напомним слова Л. Рубинштейна: «<...> активно осуществляемая прямо на наших глазах практика словоупотребления позволяет нам самим сделать черновой набросок этого "Суверенного толкового словаря политических терминов". Или хотя бы начать собирать для него "рабочие материалы"» (Л. Рубинштейн) (URL: <http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.235971.html>).

Динамические процессы в этой микросистеме, запущенные социально-экономиче-

скими изменениями в обществе, не ограничиваются только политическим дискурсом – слово *партнер*, существенно расширяет свои сочетаемостные возможности (*компьютер-партнер, айфон-партнер, мобильник-партнер*): *Мышь для него главный партнер и соратник в работе* (О. Андреева. Мышиное животноводство // «Русский репортер», № 28 (156), 22–29 июля 2010, 2010) [13].

Подведем итоги. Динамические процессы в области идеологически маркированной лексики состоят в подавляющем большинстве случаев в развитии семантической структуры слова и семном варьировании системного лексического значения. В зону прагматически маркированной лексики перемещается значительный фрагмент нейтрального словаря – политический дискурс требует постоянного обновления идеологических и оценочных ресурсов.

Полученные результаты связаны с дальнейшим развитием коммуникативной теории лексического значения, обусловлены обра-

нием к проблеме моделирования прагматического макрокомпонента в семантике слова, а также с последующей разработкой моделей словарных статей и описанием способов отражения лингвистически значимой информации: идеологического, национально-культурного, гендерного, социального, эмотивно-оценочного и др. компонентов в их соотношении друг с другом.

Описание прагматически маркированной лексики является основой создания компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики. В компьютерной базе данных единицы будут снабжены разными видами лингвистически релевантной информации: семантической, прагматической, функциональной и стилистической. Базы данных будут выполнены в формате электронной таблицы СУБД *MySQL*, что делает их доступными для широкого круга пользователей: исследователей, преподавателей русского языка и русского языка как иностранного, лингвистов-экспертов, переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Телия В. Н.** Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1991. – С. 236.
2. **Шведова Н. Ю.** Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI Виноградовские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 142–154.
3. **Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
4. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 3–22.
5. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
6. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
7. **Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
8. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.

9. **Скляревская Г. Н.** Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.
10. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 28–40. DOI: 10.15293/2226-3365.1502.02
11. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: АЗЪ, 1994.
12. **Толковый** словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
13. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.07.2015 г.).
14. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. М.: РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1999.
15. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998.
16. **Экономический** словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://gufo.me/content_eco/partner-28135.html#ixzz3frIX0cDW (Дата обращения: 17.07.2015).
17. **Социологический** словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://gufo.me/content_soc/partner-3816.html#ixzz3frIeup6E (Дата обращения: 17.07.2015).

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01)

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

INTERPRETATIONAL POTENTIAL PRAGMATICALLY MARKED WITH THE WORD : INTERACTION IDEOLOGICAL AND EVALUATIVE COMPONENT

Abstract

The interests of modern linguistics extended considerably. Now it investigates the most sophisticated, subtle, nearly indiscernible matters of semantics. In recent years many linguists focused their interests on pragmatic components of lexical meanings – “the thinnest matter of the word” – as an object of semantic, pragmatic and lexicographic description.

In the present Project the essential problems for discussion are Pragmatic Semantics, the speaker – language sign interrelations. The problem that demands a combined systematic, structural and communicative approach is description of lexical meanings. There are certain pragmatically marked elements of human lexicon that should be revealed and described systematically.

Another important task is to classify various micro-components comprising a larger structure of the pragmatic macro-component of the lexical meaning, and analyze their textual potential. Solutions of these theoretical problems are necessary for creation of correct models for lexicographic description and typology of Pragmatically Marked Lexicon. The ‘pragmatic words’ are gathered, for example, in active type dictionaries or in special computer databases.

Keywords

Semantics, pragmatic macrocomponent, dynamic processes, ideologically marked vocabulary

REFERENCES

1. Telia V. N. Connotation. *Linguistic encyclopedic dictionary*. (Ed.) V. N. Yartseva. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, 236 p. (In Russian)
2. Shvedova N. Yu. Types of contexts, constituting a multifaceted word description. *Russian language. Text as a whole and parts of the text*. XI Vinogradov Readings. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 142–154. (In Russian)
3. Lukyanova N. A. *Expressive vocabulary conversational use: Challenges in semantics*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 227 p. (In Russian)
4. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems intentionality*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)

5. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic letters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
6. Telia V. N. *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian)
7. Krysin L. P. *Sociolinguistic aspects of the study of modern Russian language*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 256 p. (In Russian)
8. Apresyan Yu. D. *Selected Works. Integral description of language and systemic lexicography*. V. II. Moscow, School Languages of Russian Culture Publ., 1995, 766 p. (In Russian)
9. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – the ability*. Moscow, Institute of Russian Language of the RAS Publ., 1995, pp 63–71. (In Russian)
10. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Ideological semantics as object lexicographically different-temporal dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 28–40. (In Russian)
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Az Publ., 1994. (In Russian)
12. *Dictionary of Russian*. (Ed.) D. N. Ushakov, 4 vol., Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1935–1940. (In Russian)
13. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 17.07.2015). (In Russian)
14. Ozhegov S. I. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Institute of Russian Language V.V. Vinogradov Publ., 1999. (In Russian)
15. *Great Dictionary of the Russian Language*. (Ed.) S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., 1998 (In Russian)
16. *Economic Dictionary Corpus*. Available at: http://gufo.me/content_eco/partner-28135.html#ixzz3frIX0cDW (accessed: 17.07.2015). (In Russian)
17. *Sociological Dictionary*. Available at: http://gufo.me/content_soc/partner-3816.html#ixzz3frIeup6E (accessed: 17.07.2015). (In Russian)